

МЕДИК В ГУМАНИТАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

E. Smirnova

A Physician and the Humanities

Книга А.В. и И.А. Литвиновых «Медицина в литературно-художественном пространстве»¹ принадлежит, как указывается в аннотации, к новому интеллектуальному направлению – литература и медицина. Соединение медицины и литературы встречается нередко. Символично, что в античной мифологии Аполлон был покровителем и искусств, и медицины. Интерес к этому союзу проявлялся уже в конце XIX в.² С конца XX в. эта тема – отражение вопросов медицины в творчестве русских писателей – разрабатывалась в формате журнальных статей³.

В XXI в. этот союз принес обильные «плоды»: врач-кардиолог М.Я. Каган-Пономарев в книге «Литераторы-врачи: очерки и подходы»⁴ исследовал специфические черты творчества врачей-писателей (А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, В.П. Аксенова и других) и особенности взгляда на медицину «извне» в произведениях писателей, не имеющих медицинского образования (Б.Л. Пастернака, А.И. Солженицына и других). Невропатолог Б.А. Нахапетов «Медицинская карта М.Ю. Лермонтова» страницы биографии поэта рассмотрел с позиций врача-клинициста⁵. Автор замечательной книги «Мифологическая анатомия» доктор медицинских наук Л.Е. Этинген продемонстрировал связь анатомического строения человеческого тела с колоссальным пластом мифов, легенд, религиозных представлений, традиций и обрядов разных народов⁶. Сборник «Музы Эскулапа» содержит подборку художественных произведений медиков⁷. Появились интересные работы, отражающие связь медицины с музыкой, изобразительным искусством⁸.

Внимание врачей к литературе и искусству, на наш взгляд, отражает ностальгию по почти утраченной связи медицинских работников с гуманитарным миром, своего рода протест против наметившейся дегуманизации медицинской практики.

А.В. и И.А. Литвиновы, авторы книги «Медицина в литератур-

но-художественном пространстве», рассматривают связь медицины с миром гуманитарной культуры – литературой и искусством – как возможность использования художественного текста для более глубокого изучения особенностей поведенческих реакций больного человека, для расширения кругозора, воспитания высоких личностных качеств медицинских работников. Работа, по словам авторов, задумывалась как попытка анализа и интерпретации с точки зрения врача-клинициста сюжетов художественных произведений отечественной и мировой литературы, в которых описываются различные клинические ситуации⁹.

Читателю представлены фрагменты произведений Д. Боккаччо, М. Шелли, А. Дюма-сына, О. Бальзака, Ч. Диккенса, Э. Золя, Ш. Бодлера, Э.М. Ремарка, Ф. Кафки, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.А. Ахматовой, М.А. Булгакова и многих других. Фактически А.В. и И.А. Литвиновы охватывают более широкое пространство художественной культуры: в поле их зрения включены произведения изобразительного искусства (в частности, Рафаэля, Леонардо да Винчи, А. Боттичелли, П. Брейгеля, Эль Греко, Рембрандта, Ф. Гойи, Н. Пуссена, К. Моне, В. Ван Гога, И. Крамского, В. Перова, И. Репина, И. Глазунова) и музыкальной классики.

Авторы далеко выходят и за очерченный ими тематический круг. Помимо интерпретации болезни и предсмертных состояний, А.В. и И.А. Литвиновы представляют художественный материал, описывающий врача как литературного героя, состояние беременности и родов. А также предпринимают попытку анализа феномена смерти и одной из важнейших категорий культуры – красоты.

Большинство глав книги посвящены определенным областям клинической практики – «образу» болезни и смерти. Болезнь нередко становилась темой произведений литературы и живописи, а описание ее проявлений (или изображение) – средством высвечивания характера персонажей, их жизненных позиций. Авторы отобрали самые яркие и убедительные, с их точки зрения, примеры различного рода заболеваний, которыми страдали литературные герои, а также выдающиеся представители интеллектуальной и художественной элиты (сердечно-сосудистые заболевания, туберкулез, лихорадочные состояния, болезни суставов, крови, глазные, нервные и психические, наркомания, сифилис, эпидемические и другие

болезни), описания предсмертных состояний. Главы выстроены по общей схеме: этиология, патогенез, клиническая картина болезни, представленной в произведениях литературы и – реже – живописи, клиническая диагностика и оценка достоверности художественных образов с медицинской точки зрения.

Отдельно рассматривается образ врача в художественной литературе и вопрос о соответствии идеала красоты в различные исторические эпохи медицинскому понятию здоровья.

Справедливо отмечая, что «цивилизация античных времен оставила нам в наследие неподражаемые художественно одушевленные памятники истории медицины»¹⁰, А.В. и И.А. Литвиновы продемонстрировали основательные знания античной мифологии и античной литературы. В книге приводятся сведения о чуме, психических болезнях и ранениях, содержащиеся в «Илиаде» Гомера, описание болезни легких (вероятно, туберкулеза) и эпилепсии – у Тита Лукреция Карра, подагры – в пародийных поэмах Лукиана, свидетельства античных авторов о сифилисе и т.д. Представлен материал, почерпнутый из славянской мифологии и этнографических источников, отражающий представления о депрессивных состояниях, мистическом значении крови, лихорадочных заболеваниях, беременности и родах.

На наш взгляд, в первую очередь внимания заслуживают «образы» болезней, хорошо известные нашему современнику и широко представленные в художественной культуре: сердечно-сосудистые болезни, нервно-психические расстройства, туберкулез, наркомания.

Глава, посвященная болезням сердца, написана на обширном литературном материале. В литературе сердечно-сосудистая патология часто используется как метафора для передачи напряженного эмоционального состояния. Авторы приводят примеры описания стенокардии (Ф.И. Тютчев «Бессонница»), инфаркта миокарда (Э. Золя «Доктор Паскаль», Н. Думбадзе «Закон вечности», А. Лиханов «Инфаркт миокарда»), двух клинических ситуаций – развития психоза на высоте гипертонического криза и острого коронарного синдрома с летальным исходом (А.С. Пушкин «Дубровский»), описание аритмии при стенокардии у И. Анненского¹¹. Авторы нашли описание острого коронарного синдрома на фоне гипертонического криза и последующей смерти князя Владимира Галицкого в русских

летописях¹².

Тема туберкулеза часто встречается в западноевропейской и отечественной литературе (Э. Бронте, Ч. Диккенс, А. Дюма, Т. Манн, Э.М. Ремарк, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, В.Г. Короленко), но с особой художественной силой и убедительностью ее раскрывает, по мнению А.В. и И.А. Литвиновых, А.П. Чехов («Моя жизнь», «Черный монах», «Иванов»).

Материал для медицинской интерпретации различных нервно-психических расстройств представлен фрагментами из сочинений Н.В. Гоголя («Мертвые души»), Ф.М. Достоевского («Идиот»), И.С. Тургенев («Клара Милич»), А.П. Чехова («Черный монах», «Палата № 6») и других.

Особыми выразительными средствами отражения различных психоэмоциональных состояний наделена живопись. Удачно подобран иллюстративный материал, в частности, произведения У. Хогарта («Бедлам»), Ф. Гойя («Сон разума рождает чудовищ»), В. Ван Гога («Автопортрет с отрезанным ухом», «На пороге вечности»).

Для анализа наркомании А.В. и И.А. Литвиновы отобрали произведения писателя-романтика Т. де Квинси, Ш. Бодлера, М.А. Булгакова, К. Кастанеды.

Неосведомленному в медицине читателю интерпретации профессионала дают ключ к более глубокому и тонкому пониманию душевного состояния и мотивов поведения литературных героев, художественного произведения – и литературы, и живописи – в целом. Это и возрастные изменения психики у Плюшкина (Н.В. Гоголь «Мертвые души»), и более сложные случаи, как, например, обострение болезни Жильбера (одна из патологий печени, связанная с нарушением обмена билирубина) у Печорина на фоне острого психоэмоционального состояния накануне дуэли с Грушницким (М.Ю. Лермонтов «Княжна Мэри»), и редко встречающиеся психопатические состояния, как, например, синдром Агасфера (авторы указывают, что именно этим заболеванием страдал В. Ван Гог).

Подробно описана порфирия – тяжелая болезнь крови, связанная с нарушениями пигментного обмена, оказывающая негативное влияние на психику, поведение, образ жизни больного и изменяющая его внешность. По мнению А.В. и И.А. Литвиновых, признаки именно этого заболевания стали основанием для появления легенд о вампирах (упырях, вурдалаках), затем развитию темы вампиризма в

литературе и живописи: Б. Стокер «Дракула», А.С. Пушкин «Вурдалак», А.К. Толстой «Семья вурдалака», полотно Э. Мунка «Вампир» и другие.

Примечательно внимание авторов к созданным литературой мутантам – «Франкенштейн или современный Прометей» М. Шелли, «Странная история доктора Джекила и мистера Ханта» Р.Л. Стивенсона. Написанные еще в XIX в., эти произведения, как отмечают авторы, несут пророческую мысль о возможных пагубных для человека последствиях научного прогресса, об опасности бездумного вмешательства человека в природу¹³. С этим мнением нельзя не согласиться.

Вслед за другими исследователями А.В. и И.А. Литвиновы признают непосредственное влияние болезненных состояний писателей, поэтов, художников, музыкантов на их творчество. В частности, на наличие закономерной связи между обострением туберкулезного процесса и подъемом творческой энергии¹⁴. Точность описаний болезненных состояний чахоточных больных в произведениях А.П. Чехова обусловлена собственным опытом страданий писателя. Строки поэзии А.А. Ахматовой, перенесшей три инфаркта, напоминают авторам беспокойную электрокардиограмму¹⁵. Нередко болезни служили импульсом к созданию художественных произведений, как, например, одного из самых сильных рассказов М.А. Булгакова «Морфий». Болезнь наложила печать на творчество К. Моне, В. Ван Гога. Думается, выразительной иллюстрацией текста могло бы стать творчество М.А. Врубеля, которого авторы, к сожалению, упустили из виду.

Перечень литературных источников, использованных А.В. и И.А. Литвиновыми, можно дополнить еще рядом художественных произведений, ярко описывающих различные патологические состояния. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на философский роман Т. Манна «Волшебная гора», посвященный описанию жизни обитателей туберкулезного санатория близ Давоса (о нем А.В. и И.А. Литвиновы упоминают лишь вскользь). Автор романа дает обширную информацию о клинической картине различных стадий заболевания, эмоционально-психическом состоянии и поведении больных, рассматривает отношения врачебного персонала и пациентов, вопросы врачебной этики, жизни и смерти. Роман поднимает вопросы психоанализа. Болезнь – распад тканей организма – пред-

ставлена как метафора распада духовного мира европейского общества начала XX в. Психологически точно описываются состояние и поведение туберкулезных больных в рассказе С. Моэма «Санаторий», романах В. Гюго «Отверженные», О. Бальзака «Шагреневая кожа», И.С. Тургенева «Накануне», Э.М. Ремарка «Жизнь взаймы» и «Три товарища». Замечателен по выразительности описания агонии умирающего от чахотки рассказ А.И. Куприна «Светлый конец».

В произведении С. Моэма «Луна и грош» дана клиническая картина проказы: от этой болезни умирает главный герой романа художник Ч. Стрикленд. Известно, что прообразом Стрикленда послужил Поль Гоген. Имеют, правда, хождение различные версии причин смерти художника; проказа – только одна из них, чаще упоминается сифилис. В рассказе «Шотландец из Глазго» С. Моэм описал жуткие слуховые галлюцинации больного, страдающего, по-видимому, шизофренией. Эпидемии холеры посвятил одну из своих «казарменных баллад» Р. Киплинг – «Холерный лагерь». Клинически точную картину сифилиса дал М.А. Булгаков в рассказе «Звездная сыпь».

В книге приводятся сведения о болезненных состояниях выдающихся деятелей культуры, в частности И.С. Тургенева и Н.А. Некрасова, оставленные их современниками.

В этой связи авторам было бы уместно обратить внимание на книгу Н.А. Белоголового «Воспоминания и другие статьи»¹⁶. Н.А. Белоголовый, доктор медицины, писатель, был лечащим врачом Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Он оставил истории болезни литераторов, связанных с журналом «Отечественные записки», и своего друга выдающегося терапевта С.П. Боткина. Отражение психопатических состояний и психических переживаний в творчестве Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф. Ницше рассмотрел известный психиатр конца XIX – начала XX вв. В.Ф. Чиж¹⁷.

Главы книги, посвященные интерпретации художественных «образов» патологических состояний, на наш взгляд, представляют наибольший интерес.

Менее удалась небольшая глава «Образ врача в литературном пространстве». Авторы ограничились немногими примерами: врач, проявивший смелость, решительность и недоступное простым смертным самообладание из рассказа Э. Хемингуэя «Индийский поселок», врач-жертва в абсурдистском мире Ф. Кафки («Сельский

врач)), герои рассказов А.П. Чехова – Старцев («Ионыч»), Рагин («Палата № 6»), Королев («Случай из практики»), Дымов («Попрыгунья»).

Авторская оценка Дымова представляется чересчур категоричной: А.В. и И.А. Литвиновы отмечают «неразвитость его внутреннего духовного мира», ставят в упрек «заикленность» на медицине¹⁸. По ходу повествования Дымов защищает докторскую диссертацию. Разве наука не требует всего человека? Кроме того, Дымов был вынужден работать «как вол, и никто его не щадил, и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами», чтобы обеспечить духовные «потребности» своей супруги. В манере адресоваться к своей жене словом «мама» авторы видят «душевную инфантильность» и «психическую неуравновешенность»¹⁹, но эта ласковая форма обращения мужа к жене была распространена во времена Чехова (так же, как «батенька» – в кругу мужчин).

Врач как литературный герой занимает видное место в беллетристике. Мировой литературой созданы комические образы (Ж.-Б. Мольер «Врач поневоле» и «Мнимый больной»), сатирические (Н.В. Гоголь «Ревизор», А.П. Чехов «Сельские эскулапы», «Хирургия», А.И. Куприн «Доктор», М.А. Зощенко «Медицинский случай», «Клинический случай», «Какие у меня были профессии»), романтические: доктор Вернер (М.Ю. Лермонтов «Княжна Мэри»), «немчин» Антон Эренштейн (И.И. Лажечников «Басурман»).

В классической русской литературе XIX в. врач стал знаковой фигурой. Для писателя был важен социальный, мировоззренческий аспект, а не собственно медицинский ракурс. Врачи как литературные герои отражали идейные позиции их создателей в общественном движении середины – второй половины XIX в. Это – гуманист доктор Крупов и лекарь с говорящей фамилией Д.Я. Круциферский (сгусѣх – распытие), жизнь которого «была постоянною битвою со всевозможными нуждами и лишениями» (А.И. Герцен «Кто виноват?»); врач-нигилист, отрицающий медицину («Мы теперь вообще над медициной смеемся») Евгений Базаров (И.С. Тургенев «Отцы и дети»); преданные идеям научного и общественного прогресса А.М. Кирсанов и Д.С. Лопухов (Н.Г. Чернышевский «Что делать?») – в них современники узнавали И.М. Сеченова и В.П. Бокова, известного врача, члена организации «Земля и воля» и других. В рассказе

«Чудесный доктор» А.И. Куприн воссоздал образ великого хирурга Н.И. Пирогова.

В творчестве А.П. Чехова впервые в отечественной литературе отражены многообразные типы русских врачей, их подвижничество, трагизм их положения, калечащее врача потребительское отношение к нему со стороны общества. Образы врача у Чехова использованы 386 раз. Напомним лишь некоторые: профессор Московского университета Николай Степанович («Скучная история»), частнопрактикующий доктор Н. Топорков («Цветы запоздалые»), военный врач И.Р. Чебутыкин («Три сестры»), земские врачи М.Л. Астров («Дядя Ваня»), Е.К. Львов («Иванов»), Кириллов («Враги»), Г.И. Овчинников («Неприятность»). О последних А.И. Куприн заметил: «...Среди земских врачей, загнанных, как почтовые клячи, мне и приходилось встречать этих чудачков, фанатиков дела и бессребреников»²⁰.

Галерею образов врачей в русской литературе можно пополнить героями произведений писателей XX–XXI вв.: М.А. Булгакова («Записки юного врача»), Ю.П. Германа (трилогия «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за всё»), Б.Л. Пастернака («Доктор Живаго»), В.П. Аksenова («Коллеги»), А.И. Солженицына («Раковый корпус»), Л.Е. Улицкой («Казус Кукоцкого») и другими.

Зарубежная классика XX в. также представила выразительные типы медиков: Беренс и Кроковский (Т. Манн «Волшебная гора»), Мартин Эроусмит (С. Льюис «Эроусмит»), Ричард Дайвер (Ф.С. Фицджеральд «Ночь нежна»), Эндрю Мэнсон (А.Д. Кронин «Цитатель»).

Объект и предмет исследования заставляют А.В. и И.А. Литвиновых выходить из круга собственно медицинских вопросов, и тогда создается впечатление, что они вступают на зыбкую почву, иногда теряют ориентацию в пространстве гуманитарной культуры. В таких случаях язык теряет ясность, суждения – основательность.

В главе «Глазные болезни» авторы приводят мнение британского офтальмолога Р. Мармора о связи особого художественного приема импрессионистов, создающего «эффект размытости», с проблемами со зрением у вождя и идеолога этого течения К. Моне, возникшими в 1912–1922 гг.²¹ Поскольку комментарии к этому тезису отсутствуют, остается предположить, что авторы разделяют эту точку зрения. Оставляя вопрос об истоках импрессионизма и его техники сужде-

нию искусствоведов, обратим внимание на очевидные хронологические несоответствия: импрессионизм зародился в 1860-е гг., первая выставка импрессионистов, уже вполне сложившихся художников, открылась в Париже в 1874 г., последняя состоялась в 1886 г.

В главе «Жизнь и смерть» А.В. и И.А. Литвиновы для иллюстрации мужественного поведения человека перед лицом смерти обращаются к сюжету известного памятника русской средневековой литературы «Повести о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. Однако трактовка этого сюжета ошибочна. У А.В. и И.А. Литвиновых Петр и Феврония связывают друг друга взаимным обещанием умереть вместе. На самом деле «Егда же приспе благочестное преставление ею (Их. – Е.С.), умолиша бога да во един час будет преставление ею»²². Это совсем не одно и то же. Венчанные супруги, а в данном случае речь идет об идеальном супружестве, являют собой единое целое, потому и одновременное «преставление» их естественно. К тому же смерть в православном сознании – это переход в жизнь вечную. Поэтому нельзя согласиться с заключением авторов: «Поведение Февронии, которая решается на смерть вместе с любимым человеком, поражает изумительным душевным спокойствием, силой духа и супружеской верностью...»²³.

Вызывает недоумение и следующая сентенция А.В. и И.А. Литвиновых: «В мировой литературе существует негласное правило, согласно которому образ любящей или любимой женщины всегда выражает отношение писателя к жизни, самой идеи смерти»²⁴.

В целом глава «Жизнь и смерть» представляет собой хаотичное нагромождение разнородного материала: пространные цитаты из литературных источников, предсмертных записок полярного исследователя Р. Скотта, версия смерти Николая I, изложение теории матриц американского врача и психолога С. Грофа, размышления о смерти французского философа Ж. Бодрийяра, описания последних дней Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева и трагической судьбы американского профессора Р. Пауша, потрясшего мир своим предсмертным посланием и т.д. С трудом прослеживается движение мысли авторов от описаний клинической картины умирания и анализа психического состояния умирающих, их восприятия надвигающегося конца к философскому осмыслению жизни и смерти как единства человеческого бытия, в частности, на примере «Смерти Ивана Ильича» Л.Н. Толстого. Кстати, в данной связи представляется целесоо-

бразным обращение и к другому произведению великого писателя и философа – «Три смерти».

Описание смерти в художественной литературе имеет этический и деонтологический аспект: поведение врача у постели умирающего больного, особенное значение ухода за ним, избавление его от чувства одиночества. Этот аспект в анализе текстов практически не выявлен. Лишь в конце главы поставлен вопрос о необходимости психологической поддержки умирающих: «В лечебных учреждениях постсоветского пространства традиционно отсутствует общение с умирающими больными в виде их исповедования и последнего причастия, хотя пациенты имеют на это по закону полное право»²⁵.

В главе «Красота и здоровье» А.В. и И.А. Литвиновы рассматривают идеал красоты как понятие исторически и социально обусловленное, стремятся соотнести представления о женской (реже – мужской) красоте с духом времени, с господствующими в тот или иной период художественными стилями. Однако одни суждения авторов вызывают сомнения, другие представляются неудачно сформулированными.

Например, женские фигурки эпохи верхнего палеолита трактуются как воплощение идеала женской красоты первобытного общества²⁶. Так называемые «венеры» с подчеркнутыми половыми признаками и отдельные изображения женского репродуктивного органа (вульвы), имели культовое значение: это – символы плодородия и изобилия, матери-земли. Изображения можно рассматривать лишь как прото-эстетическую практику, говорить же о понятии красоты применительно к архаическому периоду вряд ли правомерно. В тексте спутаны понятия красоты в высокой культуре и понятия моды в массовой культуре.

Утверждение авторов, что «буржуазные времена, в частности, период революции во Франции, усиливают женскую привлекательность»²⁷, означает становление, начиная с конца XVIII в., более рациональных с современной точки зрения представлений об идеале. Тезис «культура буржуазного века вносит в жизнь элементы целесообразности»²⁸ подразумевает соотнесенность эстетических представлений о женской красоте с функциями женщины-матери. Думается, при разработке этой темы целесообразно обратиться к книге философа, историка-медиевиста, литературного критика и писателя Умберто Эко «История красоты».

Стремление авторов охватить слишком широкий круг тем, для освещения которых требуются профессиональные знания в гуманитарных областях (философии, истории, искусствоведения, литературоведения), предопределило поверхностную или искаженную трактовку целого ряда вопросов. Для того чтобы союз медицины и литературы принес полноценные плоды, необходимо, по нашему убеждению, сотрудничество медика и гуманитария.

В книге отсутствует заключение, а потому остается впечатление недосказанности, незавершенности.

В целом же книга А.В. и И.А. Литвиновых «Медицина в литературно-художественном пространстве» увлекательна и полезна. Можно надеяться, что она удовлетворит интерес широкой читательской аудитории, послужит гуманизации практической медицины и гуманитаризации медицинского образования.

Примечания

¹ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012.

² Змеев Л.Ф. Русские врачи-писатели. Вып. 1–3. СПб., 1894.

³ Скворцов В.Я., Скворцова А.И. Образы врачей в произведениях литературы и искусства // Советское здравоохранение. 1984. № 9. С. 59–62; Виноградов П.В. Отражение некоторых вопросов медицины в кавказских произведениях Л.Н. Толстого // Клиническая медицина. 1992. № 1. С. 122–124; Домбровский О.Н. «Повально-заразительные» болезни в произведениях М.Ю. Лермонтова // Клиническая медицина. 1996. № 2. С. 80–81; Гурвич Т.Р. Ишемическая болезнь сердца в поэзии А.С. Пушкина // Клиническая медицина. 1999. № 11. С. 69–70.

⁴ Каган-Пономарев М. Литераторы-врачи: Очерки и подходы: С приложением биобиблиографического словаря. М., 2007.

⁵ Нахапетов Б.А. Медицинская карта М.Ю. Лермонтова. М., 2008.

⁶ Этинген Л.Е. Мифологическая анатомия. М., 2009.

⁷ Музы Эскулапа. Вып. 1. СПб., 2007.

⁸ Воробьев А.А., Петрова И.А. Хирургия в изобразительном искусстве. М., 2009; Дворецкий Л.И. Музыка и медицина: Размышления врача о музыке и музыкантах. М., 2014.

⁹ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 7–8.

¹⁰ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 56.

- ¹¹ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 32.
- ¹² Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 42.
- ¹³ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 89–90.
- ¹⁴ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 111.
- ¹⁵ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 39.
- ¹⁶ Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901.
- ¹⁷ Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. М., 2009.
- ¹⁸ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 24.
- ¹⁹ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 22.
- ²⁰ Куприн А.И. Черная молния // Куприн А.И. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М., 1958. С. 634–635.
- ²¹ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 149–150.
- ²² Повесть о Петре и Февронии Муромских // «Изборник» (Сборник произведений литературы средневековой Руси). М., 1969. С. 461.
- ²³ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 239–240.
- ²⁴ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 237.
- ²⁵ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 255–256.
- ²⁶ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 257.
- ²⁷ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 261.
- ²⁸ Литвинов А.В., Литвинова И.А. Медицина в литературно-художественном пространстве. М., 2012. С. 262.

Автор, аннотация, ключевые слова

Смирнова Елена Михайловна – канд. ист. наук, доцент Ярославской государственной медицинской академии
smirnova.klio@mail.ru

В статье анализируется книга А.В. Литвинова и И.А. Литвиновой

«Медицина в литературно-художественном пространстве» (М., 2012). В этой книге рассматриваются представленные в произведениях отечественной и мировой литературы и искусства сюжеты, которые могут быть описаны и раскрыты с позиций медицины. В статье отмечается широта тематики, богатство художественного материала, привлеченного авторами книги для раскрытия патологических состояний, убедительность интерпретаций. Вместе с тем выявлены слабые стороны книги: недостаточное внимание к литературному образу врача, узость гуманитарного кругозора авторов и, как следствие, поверхностные, искаженные трактовки ряда философских, культурологических и иных вопросов. Делается вывод о безусловной полезности исследования в целях гуманизации практической медицины и гуманитаризации медицинского образования.

Медицина, медицинское сообщество, художественная литература, живопись, литературоведение, искусствоведение, гуманитарное знание

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Skvortsov V.Ya., Skvortsova A.I. Obrazy vrachey v proizvedeniyakh literatury i iskusstva. *Sovetskoe zdavookhranenie*, 1984, no. 9, pp. 59–62.
2. Vinogradov P.V. Otrazhenie nekotorykh voprosov meditsiny v kavkazskikh proizvedeniyakh L.N. Tolstogo. *Klinicheskaya meditsina*, 1992, no. 1, pp. 122–124.
3. Dombrovskiy O.N. “Povalno-zarazitelnye” bolezni v proizvedeniyakh M.Yu. Lermontova. *Klinicheskaya meditsina*. 1996. no. 2, pp. 80–81.
4. Gurvich T.R. Ishemicheskaya bolezni serdtsa v poezii A.S. Pushkina. *Klinicheskaya meditsina*, 1999, no. 11, pp. 69–70.

(Monographs)

5. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, 272 p.
6. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, pp. 7–8.
7. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 56.
8. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 32.
9. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 42.

10. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, pp. 89–90.

11. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 111.

12. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 39.

13. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 24.

14. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 22.

15. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, pp. 149–150.

16. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, pp. 239–240.

17. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 237.

18. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, pp. 255–256.

19. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 257.

20. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 261.

21. Litvinov A.V., Litvinova I.A. Meditsina v literaturno-khudozhestvennom prostranstve [Medicine in Literary and Artistic Space]. Moscow, 2012, p. 262.

22. Kagan-Ponomarev M. Literaturny-vrachi: Ocherki i podkhody: S prilozheniem biobibliograficheskogo slovarya [Physicians-Writers: Essays and approaches (With Bibliographic Supplement)]. Moscow, 2007, 438 p.

23. Nakhapetov B.A. Meditsinskaya karta M.Yu. Lermontova [M.Yu. Lermontov's medical record]. Moscow, 2008, 255 p.

24. Etingen L.E. Mifologicheskaya anatomiya [Mythological Anatomy]. Moscow, 2009, 528 p.

25. Vorobev A.A., Petrova I.A. Khirurgiya v izobrazitelnom iskusstve [Surgery in Fine Arts]. Moscow, 2009, 368 p.

26. Dvoretzkiy L.I. Muzyka i meditsina: Razmyshleniya vracha o muzyke i muzykantakh [Music and Medicine: The Doctor's Thoughts about Music and Musicians]. Moscow, 2014, 240 p.

27. Chizh V.F. Bolezn Gogolya: Zapiski psikhiatra [Gogol's malady: The Psychiatrist's Notes]. Moscow, 2009, 511 p.

Author, Abstract, Key words

Elena M. Smirnova – Candidate of History, Senior Lecturer, Yaroslavl State Medical Academy (Yaroslavl, Russia)
smirnova.klio@mail.ru

The article analyses A.V. Litvinov and I.A. Litvinov's book "Medicine in Literary and Artistic Space" (Moscow, 2012). The monograph studies the plots in national and world literature and art which can be commented from the medical point of view. The article states a broad variety of issues and literary material applied to disclose pathological states and finds the authors' interpretation convincing, as well as mentions. At the same time, the article mentions some weak points in the book, such as insufficient attention to the literary image of the doctor, certain narrowness in the authors' treatment of some philosophical, cultural and other issues which results in superficial interpretations of the latter. In conclusion the book is described as a definitely useful research for the humanisation of practical medicine and humanitarisation of medical education.

Medicine, medical community, fiction, painting, literary studies, arts studies, humanities